

Меценатство как диалог: модели взаимодействия художественных музеев и частных благотворителей в России и странах Запада (1991–2020-е гг.)

Научный руководитель – Соловьев Константин Анатольевич

Яичкина Татьяна Вячеславовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Москва, Россия

E-mail: Tiaichkina@bk.ru

Институт меценатства имеет в России глубокие исторические корни. Как отмечает Н.Ф. Петрова, одним из первых российских собраний редкостей стала Оружейная палата Московского Кремля (XVI в.), а основание Петром I Кунсткамеры и Екатериной II собраний Эрмитажа заложило традицию публичных музеев, формировавшихся при участии частных коллекций[1]. Однако в советский период эта традиция была прервана: частная инициатива в музейной сфере практически исчезла, уступив место исключительно государственному патронажу.

Возрождение меценатства в постсоветской России стало возможным благодаря кардинальным социально-экономическим трансформациям. Принятый в 1995 г. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»[2] создал правовые рамки для возрождения российской благотворительности. Исследователи подчеркивают принципиальное различие понятий: в отличие от спонсорства, предполагающего взаимную выгоду, меценатство представляет собой безвозмездную помощь искусству, культуре и науке.

Как отмечается в исследовании, проведенном при поддержке Австрийского научного фонда FWF[3], в 1990-е годы развитие частной музейной филантропии в России отставало от общемировых тенденций. Лишь после 2000 года, вслед за приватизацией экономики, новая российская экономическая элита начала активно включаться в этот процесс. Особенно заметный рост «олигархической» художественной филантропии, создания фондов и частных музеев пришелся на второе десятилетие XXI века. Спектр интересов российских меценатов оказался чрезвычайно широк: от современного искусства до религиозного, от модернизма и авангарда до социалистического реализма, от имперского наследия до зарубежных коллекций.

Принципиально важной характеристикой нового российского меценатства стала его растущая международная вовлеченность. Российские предприниматели финансировали разнообразные выставочные проекты, сотрудничали с ведущими зарубежными институтами, выступали в качестве доноров и членов попечительских советов международных музеев. Некоторые приобретали доли в аукционных домах или брали под контроль престижные издательские сети на Западе. Вопреки растущему влиянию российских частных музеев и фондов на международную музейную сферу, эта тема долгое время оставалась за рамками исследовательского внимания.

Мировая практика демонстрирует устойчивую тенденцию к диверсификации финансирования музеев. В условиях кризиса европейские музеи компенсируют сокращение господдержки за счет внебюджетных источников. Доля госфинансирования Лувра снизилась с 70% до менее 50%, Прадо — с 80% до 50%, Британского музея — на треть с 2010 г.[4]

Ключевым фактором развития корпоративной филантропии во Франции стал Закон о меценатстве (2003 г.), позволивший компаниям вычитать до 60% взносов на культуру из

налога. Результат: число компаний-благотворителей выросло с 2 тыс. до 12 тыс., объем пожертвований достиг 2,5 млрд евро (39% — культуре).[5]

В России структура финансирования музеев остается неизменной: 83% — бюджет, 13% — доходы от уставной деятельности, 1% — благотворительность. По федеральным музеям: 79% — бюджет, 14% — доходы, 2% — благотворительность. При этом на один федеральный музей приходится 393,4 млн руб. бюджетных средств, на региональный — 10,8 млн руб., хотя региональные музеи обеспечивают две трети посещаемости.[6]

Особого внимания заслуживает гендерный аспект современного российского меценатства. Как показывает в своем исследовании Дженнифер Милам, российская арт-спонсорская деятельность в посткоммунистический период оказалась доминируемой женщинами из олигархической элиты.[7] Автор предлагает рассматривать этот феномен не как сиюминутное увлечение состоятельных граждан, а в широкой перспективе, прослеживая траекторию вовлеченности российских женщин в патронаж и спонсорство начиная с конца XVIII века. На основе интервью Милам исследует мотивы, стоящие за концентрацией внимания на современном искусстве в спонсорстве выставок, арт-центров и частных музеев в Москве, Санкт-Петербурге и Сибири.

Формы реализации меценатских инициатив в современной России многообразны. Одни благотворители запускают музейные или институциональные проекты (музей Русского Импрессионизма, музей Русской иконы им М. Абрамова и др), другие инвестируют в городские проекты джентрификации смешанного коммерчески-культурного использования («Винзавод»), третьи финансируют музейные проекты, учреждают премии или осуществляют пожертвования (Фонд Владимира Потанина).

Исследователи отмечают неоднородность частного музейного сектора, принято выделять три черты частных музеев повседневности: движение от глобального к локальному, от объективности к субъективности, от обыденного к нетривиальному.[8] Проект «Свой музей» (Ленинградская область, 2019–2021) позволил классифицировать частные музеи на «профессиональные» и «непрофессиональные», что важно для выработки мер поддержки[9]. Однако, не стоит забывать о проблеме терминологической неопределенности: многие организации называют себя музеями, но фактически являются учреждениями музейного типа, не соответствующими законодательству и дефиниции.

Эксперты фиксируют изменение ценностных ориентиров меценатов. Директор музея-заповедника «Царицыно» Е.Б. Фокина отмечает сдвиг от количественных показателей к качественным характеристикам аудитории, при сохранении сложности формирования долгосрочных партнерств. М.Д. Лошак подчеркивает, что российские меценаты действуют без налоговых преференций, а их поддержка — вопрос воспитания и внутренней потребности.[10]

Мировая практика демонстрирует, что поступательное развитие культуры невозможно без активного включения коммерческого сектора, а инструменты поддержки (налоговые льготы, эндаументы, корпоративная филантропия) имеют на Западе длительную историю институционализации. Изучение зарубежного опыта мотивации и оптимизации меценатства может способствовать адаптации наиболее эффективных практик к российским реалиям, где исторические традиции частной благотворительности были прерваны в советский период и лишь возрождаются в новых экономических условиях.

Источники и литература

- 1) Bayer W.M. *Filantopija.ru I Kunst- und Museumsstiftungen der Moskauer Wirtschaftselite* / W.M. Bayer ; Austrian Science Fund (FWF). — 2022. — 280 p.
2. Milam J. "Art Girls": Philanthropy, Corporate Sponsorship, and Private Art

- 2) Milam J. "Art Girls": Philanthropy, Corporate Sponsorship, and Private Art Museums in Post-Communist Russia / J. Milam // Curator: The Museum Journal. — 2013. — Vol. 56, № 4. — P. 391–405.
- 3) Музычук В.Ю., Хаунина Е.А. Механизмы поддержки музеев в условиях экономического кризиса (на примере крупнейших музеев Европы и России) / В.Ю. Музычук, Е.А. Хаунина // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2015. — № 1 (25). — С. 132–161.
- 4) Меценатство – это вопрос воспитания: в Москве прошла конференция «Благотворительность в современной России: лучшие практики» // Комсомольская правда. — 13.04.2024. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27592.5/4918513/> (дата обращения: 25.02.2026).
- 5) Сапанжа О.С. Частный музей повседневной культуры как новый нарратив / О.С. Сапанжа // Музей. Памятник. Наследие. — 2020. — № 1 (7). — С. 5–13.
- 6) Сундиева А.А. История музейного дела как составная часть музеологии / А.А. Сундиева // Культурология: дайджест. — 2011. — № 3 (58). — С. 155–156.
- 7) Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3340. (ред. от 08.08.2024).
- 8) Юренева Т.Ю. Частный музей в пространстве культуры: проблемы определения и статистики / Т.Ю. Юренева // Вестник славянских культур. — 2024. — Т. 71. — С. 22–33. — DOI: 10.37816/2073-9567-2024-71-22-33.